

УДК 81'271.16
ББК 81.2Рус-5

В. К. Харченко
Белгород, Россия

V. K. Kharchenko
Belgorod, Russia

**СЕНТЕНЦИИ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ
БЫТОВОГО РАЗГОВОРА:
СОПРЯЖЕНИЕ АКУСМАТИЧЕСКОЙ
И КНИЖНОЙ КУЛЬТУР**

**REASONINGS IN SPEECH GENRE
OF LIFE-TALK:
COMBINATION OF ACUSMATICS
AND LITERARY CULTURE**

***Аннотация.** В статье рассматривается функционирование сентенций в разговорном дискурсе, отмечается их количество, своеобразие содержания и формы, то есть тематические предпочтения и эстетическое сопровождение сентенций (метафоры, олицетворения).*

Подчёркивается влияние книжной культуры на разговорный дискурс, что отражено в некоторых моделях рассуждений-сентенций.

Создание электронной базы, насчитывающей около 4 тысяч лично зафиксированных реплик спонтанного диалога, обнаружило точки сопряжения между данными разговорного дискурса и сентенциями, образами научно-популярного, художественного, публицистического, философского дискурсов. Подобное междискурсивное наращение смыслов можно обозначить как метод семантической ротации, весьма значимый для оценки и самооценки языковой личности, а в перспективе и для оценки реальных и потенциальных богатств языка.

***Ключевые слова:** речевые жанры, разговор, рассуждение, наращение смыслов, реплика, ротация.*

***Abstract.** The article deals with the functioning of maxims in colloquial discourse, their considerable number, peculiarities of the essence and form, i.e. thematic preferences and aesthetic means of maxims (metaphors, personification).*

The author puts emphasis on the impact of fiction works on colloquial discourse reflected in some models of maxims in a form of reasoning.

Making a corpus of 4 000 written down spontaneous remarks of the spoken dialogue revealed the connection between the structures and forms of public colloquial discourse and the discourse of popular science, fiction, mass media and philosophy. The above stated interdiscursial multiplication of meanings is defined as the method of semantic rotation. The method proves relevant in evaluation and self-evaluation of the linguistic individual, as well as estimation of actual and potential language resources.

***Key words:** speech genres, talk, reasoning, multiplication of meanings, remark, rotation.*

***Сведения об авторе:** Харченко Вера Константиновна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания.*

Место работы: Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

***E-mail:** wera_kharchenko@mail.ru*

***About the author:** Kharchenko Vera Konstantinovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and Teaching Methods.*

Place of employment: Belgorod National Research University.

Несмотря на свою «дробность», фрагментарность, спонтанность, разговорный дискурс даёт весьма своеобразный, но и весьма щедрый материал по проекциям на каждый из трёх известных «типов текста»: повествование, описание, рассуждение. Разумеется, из обозначенных типов каждый хорошо прослеживается, что естественно и ожидаемо, на более протяжённых пространствах фиксации: в нарративах, монологах. Однако и обычные реплики спонтанного диалога нередко содержат в себе элементы и повествования, и описания, и рассуждения. Последнее и станет объектом нашего пристального внимания.

«Но может ли философ говорить «понятно»? Услышав тишину, он должен сказать, а уж **понимать** – это наше дело. Схватить сознанием текущие образы и

© Харченко В. К., 2015

оправить их в содержательные формы, извлечь предметный смысл из представленных символов и выплавить из всего этого **понятие** и **термин** – вот что должен сделать каждый, кто серьёзно относится к своей профессии» [1 : 126]. В. В. Колесов предельно точно обрисовал процедуру рождения нового знания. Носители языка «не выплавляют» из своих наблюдений понятий и, тем более, терминов, но, как показывает собранный материал, они осуществляют первый этап интерпретации системных событий: формулируют собственные, «авторские» умозаключения, которым следует уделять внимания не меньше, нежели официальным, то есть опубликованным сентенциям известных людей. Носители языка ищут сентенции обычно в сборниках афоризмов и пословиц, не замечая, как много эвристики,

технологических подсказок для решения более чем непростых жизненных проблем таится в живой разговорной речи. К сожалению, эти сентенции не изучаются, не собираются, не фиксируются. Уточним: не собираются и не фиксируются именно как множество, однако отдельную реплику, вовремя прозвучавший совет мы запоминаем надолго в соответствии с французской поговоркой «Жизнь всегда посылает вовремя нужного человека».

Безусловным достижением в лингвистике разговорного дискурса является выделение бытового разговора (разговора по душам, болтовни) как отдельного речевого жанра [2 ; 3]. Исследован, например, речевой жанр болтовни детей младшего школьного возраста [4 ; 5]. Именно на материале обычного «бытового разговора» мы и планируем выявить своеобразие «спонтанных» рассуждений, но предварительно сделаем как минимум три терминологических уточнения.

Слово «спонтанный» применительно к определяемому термину «сентенция» мы заключаем в кавычки отнюдь не случайно. Носители языка в спонтанных диалогах действуют своими соображениями, отнюдь не случайно возникшими, а, как правило, ранее лично сформулированными, выстраданными, апробированными.

Следующее уточнение связано с необходимостью терминологизации такого слова, как «болтовня» с его ярко выраженной пейоративной коннотацией. Термины «рассуждение» и «болтовня», на первый взгляд, едва ли не противоречат друг другу. Однако лонгитюдное (на протяжении уже более двадцати лет) изучение разговорной стихии свидетельствует, что не только в публицистическом и художественном дискурсах, но и в «обычном» общении присутствует немало эвристики, немало открытий, подсказок, сентенций, со стороны адресанта с явным удовольствием передающих их, как эстафету, своему собеседнику, адресату. Такой информативный материал, повторим и подчеркнём, требует фиксации и отдельного анализа. Феномен бытового разговора, болтовни, тем более разговора по душам не исключает приобретения нового знания, коррекции понимания, обоснования более (наиболее!) грамотного выбора, выхода из той или иной сложившейся ситуации.

Ещё одно уточнение касается трактовки терминов «рассуждение» и «сентенция». При исследовании разговорных сентенций приходится ориентироваться на теорию рассуждения, которую изучают и в логико-

философском аспекте [6 : 170–180], и в лингвистическом, в частности фонетико-интонационном при спонтанных рассуждениях [7]. «Обычно под рассуждением, – пишет Е. А. Кротков, – имеют в виду умозаключение, или логический вывод. Между тем рассуждать (здорово) – значит формулировать вопрос и искать ответ: объяснить какое-либо непонятное явление, аргументировать свою точку зрения, строить прогноз на будущее etc. Ничего из названных когнитивных фигур в умозаключениях самих по себе нет». Завершается статья следующим тезисом: «В реальном дискурсе (повседневном и научном) фигурируют, как правило, содержательные умозаключения, в которых логическая связь между посылками и заключением специально не отслеживается» [6 : 170,179]. Рассуждение присутствует в разговорном дискурсе, однако в свёрнутом, как правило, виде. Рассуждение – это логическая цепочка высказываний, тогда как сентенция, максима, афоризм есть не что иное, как кульминация рассуждения. Продолжим: рассуждения эксплицируемого или, что чаще, скрытого, рассуждения сиюминутного или, что чаще, сформулированного ранее, неоднократно обдуманного.

В абсолютном большинстве высказываний с сентенциями «посылки» скрыты, они оказываются в пресуппозиции, они образуют импликационал высказывания, но сам речевой жанр сентенции выступает при этом достаточно ярко и определённо. В общем корпусе разговорного дискурса он, этот жанр, необходим как яркая альтернатива использованию готового знания (блоков цитат, поговорок, фразеологизмов). Ставя проблему «Генерирование или трансфер знаний: что важнее?» И. Т. Касавин подчёркивает, что «чистого перцептивного», концептуально стерильного знания не существует вообще [8 : 51]. Так, восхитившись выражением «*Любовь тренируема!*» и сказав это собеседнице, мы услышали признание: это не моё, это на лекции говорил один психолог! Так что «степень авторства» реплик-откровений бывает весьма условной, но ценно как раз то, что,

во-первых, собеседник выступает популяризатором, на его взгляд, слабо артикулируемых умозаключений;

во-вторых, рупором собственных аутолозунгов по принципу: помогло мне – поможет и близкому мне человеку (а подчас и совсем незнакомому!); здесь мы сталкиваемся с феноменом «гносеологической робинзонады» [9 : 11–12], то есть права на индивидуальное знание;

в-третьих (а это уже следствие первого и второго), произносящий сентенцию выступает, что немаловажно, но что незаметно и скрыто, ещё и корректором «коллективного бессознательного».

Давно пора привести примеры сентенций.

По содержательному наполнению разговорные сентенции охватывают самые различные темы.

Политика: [Доцент 55 л. о бывших работниках парткомов:] **Комсомолец комсомольца не оставит, где-нибудь да пристроит!** (03.05.2012); [Профессор лет 55 в лифте коллеге:] **А Вы заплатили? Демократия – это когда работают только за деньги!** Сначала заплати, а потом объясняй, что надо (16.05.2012); [Мужчина лет 75 в троллейбусе громко:] **Раньше рабочий класс работал, крестьяне работали, и государство процветало! А сейчас все поют!** Раньше только один Марк Бернес пел, а все работали! (27.11.2013).

Образование: [Открытое занятие по методике. Профессор 59 л. студентам и присутствующим коллегам:] **Конечно, это убожество. А убожество оформления сказывается на качестве знания** (22.05.2013); [Учительница-словесник 42 лет о враче:] **Машку из паралича вытащил два года назад! У него в кабинете книги, книги, книги. Мне полишколы сказали: руку заговорили. Он мне сказал: это область неизученного. Он из звёздочек! Он говорит: Мозгом можно всё! Я ведь кончил Курский мед (неважно, где учился, а важно, как)** (01.07.2013).

Этика: [Краснодарский край. Учительница 31 г.:] **Мы тоже собираем, когда у кого что (стряслось). И одна говорит: лучше давать, чем просить. Все мы под Богом ходим. Моя мама говорит: Чем старше становишься, тем больше боишься слово сказать.** А у нас: «Я чуть с ума не сошла!», «Да иди ты!»... (07.05.2012); [Бывший музыковед 58 лет, разговор о дочери:] **Какая она красивая, Вика! Я видела издали! – Красота – это её культура. Вы, когда её дома увидите – это не маска!** (29.07.2012); [В троллейбусе кондуктор лет 62 и пассажир женщина лет 40:] **Зонт положила! – Это с окна капает! – А что, это преступление – зонт положить? Кому надо – вытрут! – А мне что, ходить с тряпкой, вытирать? – Это, в конце концов, Ваш троллейбус! – У меня каждый день другой троллейбус! – Но человеком вы остаётесь каждый день!** (11.10.2012).

Старость: [Продавщица покрывал, подушек покупательнице сердито:] **Да что восемьдесят, что семнадцать! Да какая разница, сколько лет человеку!** А то с утра приходят и начинают: **Ой! Дайте для бабушки!** – А сами вы? – Вы правы, у меня трое внуков! (13.07.2012); [Доцент 55 л. о наблюдениях над французенками во время давней поездки в Канны и Ниццу:] **После пятидесяти пяти – это картинка каждая! До 55-и – это как мы, замухрыленные, даже иногда и с сумками в двух**

руках! У них такой принцип: Чем ты старше, тем больше ты должен компенсировать своей внешностью! (13.08.2012).

Здоровье: [Профессор, 48 л., о муже:] **Он лекарства не признаёт. Говорит: от внешних болезней – зелёнка, от внутренних болезней – уголь, а от всех болезней – бег!** (25.05.2012). [Профессор кафедры акушерства и гинекологии, женщина 65 л. в коридоре вуза:] **К нам пришли с проверкой: где новые технологии? А я говорю: Акушерство – это самая консервативная область медицины! Чем меньше в акушерстве будет новых технологий, тем здоровее будет нация! ЭКО? Извините, мы не можем сады в пробирке выращивать! Потому что это медиализованные дети** (08.11.2013).

В пресуппозиции всех приведённых высказываний, к какой бы области они ни относились, присутствует идея управления, причём управления далеко не только пониманием адресата, но и в целом коллективным бессознательным. Об этом свидетельствует презумпция обобщения, заложенная в самой структуре многих сентенций. В следующей реплике спонтанного диалога говорится будто бы о кошке, но мысль легко может быть спроецирована и на поведение человека:

[Разговор с учительницей 55 л. о дворовом коте:] **Мы сначала думали, что это кошка. А это кот. Марс! Кот, который понял, что надо выживать, а чтобы выживать, надо нравиться людям. Но он и по природе такой добрый и ласковый** (07.08.2012).

В другом высказывании речь идёт о членах диссертационного совета, но проецируется это и на семейные, и в целом на служебные отношения.

[По телефону профессор, 42 г., о дис.советах:] **Я понимаю, что внутри там не всё гладко. Но внутри отношения всегда сложнее, чем внешние!** (01.06.2013).

Особенность спонтанных рассуждений заключается не только в том, что они инкрустированы в пространство будто бы обычной болтовни, но и в том, что они включают в себя не только «когниции», но и эмоции (**Это картинка каждая!**), и перцепции. Так, в следующем примере осязательная перцепция предшествует рождению (зарождению) сентенции.

[Тверь, жена с ровесницей 63 л. говорят о машинах. Заходит муж:] **Ой, девушки, какие вам машины? Диван пошире, одеялку помягче, чем больше дома, тем дольше живёшь!** (28.10.2012).

Рассмотрим, что представляют собой по форме сентенции разговорного дискурса.

Разумеется, говорящие нередко прибегают к общезыковым сентенциям, например через использование модели: А есть А (*Жизнь есть жизнь!*) в её психотерапевтической функции или к предельным обобщениям: *Всех понять можно!*

[Казань. Профессор из Азербайджана, 65 лет, женщина:] *Лихачёв перевёл византийские, греческие тексты и приписал русской литературе. В МГУ плевались! <...> У нас Драйзера с русского (!) переводят на азербайджанский язык! Двенадцать томов. Но корректность есть корректность! Это не факт азербайджанской литературы!* (29.06.2012); [Доцент 55 л., поздравляя:] *Всё-таки девочка лучше! Ожидание какое-то... Надежда, что поймёт тебя. Всё-таки девочка есть девочка!* (11.09.2012); [Женщина реализатор лет 36 о покупателях:] *Спят ещё! Сделали б выходной! В среду, например, все ларьки закрыты. Мы б отдохнули. Выходной значит выходной!* (06.10.2012); [Мужчины лет 50 на перроне:] *Его понять можно: сердечко не выдержало. – Всех понять можно. Зарплата, деньги...* (12.08.2012). [Декан на планёрке:] *К 8 ноября пришлите, как наши исследования развивать в плане антропологии. Шекспир он и в Африке Шекспир! Через язык тоже хорошо ложится!* (22.10.2013).

Среди разговорных сентенций немало вторичных, цитатных. Здесь важна интонация уважительности при транслировании мысли Другого. «Но осмыслено только то, что осмыслено заново; восприятие смысла – всегда интерпретация, творчество, конструирование, создание нового, осмысление мира на свой лад; всякое смыслообразование есть иносказание» [8 : 53]. Говорящий, как правило, не просто цитирует чью-либо сентенцию, но при этом выражает и своё к ней отношение, «продолжает» мысль, как далее в примере: *труды и болезни*.

[Юбиляр, доцент, 80 л.:] *Я выросла без мамы, были две мачехи, это хорошая закалка. Мачеха мне говорила очень строго: «Твоё настроение никому не нужно!» Вы когда-нибудь видели моё плохое настроение? (25.05.2012); [Учительница 31 г.:] Если бог послал тебе проблему, значит, ты в состоянии с ней справиться! Лень – это зло. А когда тебя что-то возмутит, то и лени нет!* (07.05.2012); [Доцент 59 л. по телефону:] *Как в старину говаривали: до 70 лет – жизнь, после 70 – труды и болезни, но «болезни» – синоним труда, такое было значение!* (09.09.2012); [Профессор, женщина 49 л.:] *Оказывается, мы себя программируем на короткую жизнь, и поэтому мы рано умираем.*

раем. Организм служит мозгу, когда мозг занят будущим. Как только мозг теряет смысл, организм умирает. Мы должны видеть эту картинку! (05.03.2013).

Многие сентенции заметны своим алогизмом, становящимся пусковым механизмом изменения отношения или поведения адресата:

[На перроне женщина лет 45 с мужем здоровается с путейцем:] *Как ты? – Нормально!* [Отошли, женщина говорит мужу:] *Нормально – это уже хорошо!* (видимо, тот человек страдает алкоголизмом) (23.04.2012); [Доцент 55 г.:] *Она говорит: «Я каждый раз что-то новое!» Нет, ты не учитель! Потому что Методика – это не разнообразие, а однообразие! Если я каждый день буду учить одно слово, то что я буду помнить? ДНК до сих пор расшифровать никто не может. Децилнуклеино... (смеётся) Не выучено!* (26.07.2012).

Большой интерес представляют метафорические сентенции, новизна образа делает мысль запоминающей, придаёт эвристичность самой мысли через обновлённую образную её интерпретацию.

[Учительница 31 г.:] *Муж мне говорит: Ну, ты, такая училка, зануда! – А мы уже не видим себя! Опылились друг о друга!* (07.05.2012).

Не менее выразительной, чем метафора, может стать и синекдоха, см. выше: *Мозгом можно всё!*

В разговорных сентенциях наблюдаются и следы такого тропа, как олицетворение:

[Тверь, на защите диссертации, член совета, подготовивший два вопроса, председателю:] *Если можно, я б два раза встал. Потому что когда задашь два вопроса, то один страдает* (29.10.2013); [Ученый секретарь женщина 51 г. подытоживает, успокаивая коллегу:] *«Аз есмь Бог, и аз воздам!» Мы переживаем, а небеса своё дело делают!* (25.11.2013).

В полуспонтанной речи, то есть в выступлениях на совещаниях, встречаются сентенции, построенные по «опрокидывающейся» модели: А – это В, В – это А. Это одна из разновидностей так называемых бисубстантивных предложений [10: 5] с контактной мемой темы и ремы.

[Ректор:] *Я пришёл сюда, чтобы намертво завязать этот узел: и с администрацией, и с предприятиями. Губернатор меня напутствовал: Университет – это область! Область – это университет! Я с ним полностью согласен! Нам надо выстраивать перспективы суперобразования!* (07.06.2012).

Метафоры, олицетворения, гиперболы, эпитеты, сравнения, градации, сентенци-цитаты, «внешние» алогизмы и бисубстантивные предложения – всё это свидетельства, безусловно, влияния книжной культуры, свидетельство сохраняющейся литературоцентричности нации. Однако диалог двух ведущих, наиважнейших в цивилизованном обществе культур: акустической (изустной) и книжной (в обозримое время всё увереннее заявляет о себе, набирает обороты популярности и третья культура, культура Интернета!) такими модельными проявлениями не ограничивается. В своей монографии мы предприняли попытку наложить некоторые сентенции разговорного дискурса на аналоги из книжной культуры, обосновав метод, обозначенный как метод семантической ротации [11 : 54–64].

Представим следующие соположения.

Разговорный дискурс: [Учительница, 55 л.:] *Я его принесла, посадила в коробок в коридоре, а он, видимо, жил в нормальной квартире, а тут тесный коридорчик, коробков полно, коты, значит, чужие. Я его положила, возвращаюсь: а у него страшно трагический взгляд, неестественно вывернутая голова. Я говорю: «Да что ты! Да маленький!»* (07.08.2012). См. также выше приведённый пример о коте Марсе *«Чтобы выживать, надо нравиться людям»*.

Научно-популярный дискурс: «Домашние животные, особенно кошки, тоже по-своему гипнотизируют – это их способ адаптации, способ заставить заботиться о себе. Воздействовать через умиление – этот способ куда надёжнее для выживания, чем ловить мышей» (А. Секацкий. *Израильские заметки // Новый мир, 2012, № 1. – С. 137*).

Разговорный дискурс: [Учительница-словесник 55 л.:] *Географию отменили, она не нужна! А физика – это ж мировоззрение на уровне снимаю с глаз порчу! Каковое у нас у всех уже есть! Я по физике всю жизнь, конечно, мучалась с задачами, конечно. Не могу сказать, что я любила. Но я? Я не человек без физики была. Это понятно!* (07.08.2012). Философский дискурс: «Философия состоит из вещей, посредством которых мы что-то понимаем, а сами эти вещи непонятны, они служат для понимания других» (М. К. Мамардашвили // *Знание – сила, 2007, № 8. – С. 114*); «Понимание какой-нибудь вещи нужно почерпать не только из сказанного о ней самой, но и из многого такого, что сообщается о совсем других вещах» (Р. Штайнер *Из Предисловия к 3-му изданию «Как достигнуть...»*).

Разговорный дискурс: [Доцент 55 л. о поездках за границу в качестве переводчика:] *У меня такое впечатление, что меня доводит жизнь до какого-то жуткого момента, а потом даёт фантик, конфетку! А перед этим такой прессинг! Сейчас я, наверно, ещё не заслужила!* (14.08.2012). Художественный дискурс: «Когда отчаяние достигает

своих высот, жизнь слегка пугается и раскладывает перед тобою свой товар: ну что тебе надо, чтобы ты успокоился? Все люди как люди – а тебе чего надо? Может – это?» (В. Попов. *Единственное, что утешало // Проза новой России: В 4 тт. Т. 3. – М.: Вагриус, 2003. С. 185*).

Разговорный дискурс: [Доцент 55 л. о случайно найденном красивом полуострове на юге Франции:] *Причём говорят, что таких городов очень много во Франции. Англичанин просто был потрясён. А я просто увидела картинку, и у меня фантазия доиграла-дорисовала! Я ещё уговорила одного. Он мне потом кинул строчку «миллион спасибо» за этот городочек! Улочки настолько узенькие, что в проходе можно пройти только одному человеку. Одна каменная кладка и другая каменная кладка. И ступенечки вверх-вниз. Три лилии...* (14.08.2012). Художественный дискурс: «Человек в принципе не способен видеть мир, не гримируя его своим воображением» (А. Мелихов // *Октябрь, 2001, № 11. С. 176*).

Разговорный дискурс: [Студентки в холле, подруге же весело:] *Элка, понюхай духи у меня! До этого тебе не понравилась моя «Кристина Диор»...* (12.10.2013).

Мемуарный дискурс: *Счастье – это восемь часов сна и новые духи!* (О. Аросева).

Остановимся на цитате из Алексея Мелихова, которую в свою очередь обобщают слова Фазиля Искандера: «Писатель только и делает, что редактирует жизнь таким образом, чтоб можно было выжить». Изяществом этой мысли восхищается Вячеслав Пьецух (Октябрь, 2008, № 7. С. 142). На основе своих наблюдений над разговорной речью добавим к сказанному: не только писатели, но и говорящие, рядовые носители языка тоже «в минуту жизни трудную» и «про запас» интерпретируют жизнь «таким образом, чтобы можно было выжить». Собственно, для аргументации этой гипотезы нам и понадобился особый метод – метод семантической ротации, наращивания смыслов, очерчивание параллелей между разговорным, с одной стороны, и художественным, публицистическим, философским, научным дискурсами, с другой.

Метод прорисовался едва ли не случайно. Когда какое-либо высказывание оформлялось для включения в электронную базу данных, то есть в процессе неспешной работы над квантом информации разговорного характера, память подсказывала, что нечто похожее уже встречалось, проскальзывало, было зафиксировано в конспектах. Оставалось только найти цитату, проверить и этикетировать её. Записывая бытовую речь и желая «поднять» материал, отражающий будто бы незатейливую повседневность, к некоторым сентенциям мы начали подыскивать цитаты из художественных текстов, из

научных и научно-популярных изданий, публицистики, философии, то есть из сокровищницы книжной культуры.

Мысли наших знакомых (а большей частью незнакомых, случайных информантов!) «случайно» перекликались с мыслями известных людей. Вопрос креативности разговорного дискурса стал приобретать новое измерение. Цитируемые книги и статей говорящие явно не читали, они читали другие книги, но... идеи носятся в воздухе, так что многие актуальные вещи можно черпать из так называемой акусматической, изустной культуры, прислушиваясь к высказываниям окружающих людей. Например, женщина говорит приятельнице, что у той в одежде давно не было ничего *ярко-нового*. Эпитет интересен не только лингвистически, но и поведенчески. Целая плеяда высказываний во славу запахов детства подтверждает известную мысль о связи ольфакторных (запаховых, одорических) впечатлений с эмоциями «Из запахов соткано детство моё».

Итак, сентенции из книжной культуры могут быть приведены как

(1) подтверждение сказанному; отнюдь не случайно наиболее выигрышными эпиграфами к научным публикациям становятся реплики разговорной речи; например: «*Мы из всего делаем прошлое*» – эпиграф к статье психолога Вероники Нурковой о ценности автобиографической информации (Знание сила, 2004, № 10);

(2) опровержение сказанного, опровергающих цитат, разумеется, много быть не может, но и они встречаются;

(3) дополнение к сказанному: суть метода семантической ротации состоит в учёте того, что мысль меняется в зависимости от слов, которыми она выражена, и запас жизни, запас прочности бытия требует от каждой развитой культуры дополнительного, в чём-то избыточного артикулирования.

Подтвердим предложенную классификацию материалом.

Вектор подтверждения:

Разг.: Никто тогда не помогал. И только все завидовали и ставили палки в колёса. И эти палки надо было высовывать. Я защищалась в Днепрпетровске... (23.06.2012). Худ.: Для меня делать эту карьеру проще простого. Что тут делать? Только знай себе выкручивайся из одной беды, из другой, из третьей, – перечисляла Ася, загибая пальчики на руке, – из четвёртой, из пятой. Пока ты выкручиваешься, карьера сама собой в гору и прёт» (Л. Милевская. Дурдом на выезде. Роман). Разг. Она всегда говорит: «Если вы хорошо выглядите, значит правильно живёте!» (?). Я придерживаюсь прин-

ципа: если про тебя ходит сплетня, значит ты живёшь правильно! (?). Худ.: «А уверенность – это как амулет. На самом деле он должен быть у каждой женщины» (Огонёк, 2003, № 4).

Вектор опровержения:

Разг.: У меня такое чувство, что, если я что-то хочу, я торочу. И к этому надо прислушаться! Я говорила: поезжай в Англию! Мама называла меня торока (04.07.2012). Худ.: «Никто из нас другим не властелин».

Вектор дополнения:

Разг.: Вы чокнутые все! На двадцать дней с маленьким ребёнком ехать! (21.07.2012). Худ.: Любкой вокзал – воронка в омуте пространства. На вокзале всегда чувствуется дрожь, тревога, словно на краю пропасти (А. Иличевский).

Наконец, есть ещё одно сопряжение акусматической и книжной культур, которое можно обозначить как поэтизация сказанного. Здесь интересно встречное движение: говорящие не преминут процитировать стих, песню, рекламу, добавляя красок к сказанному, но и их речь может быть отзеркалена в высоком слове, лиризме, цитате. Если цитация лежит на поверхности разговорной речи, поскольку она состоялась, носители русского языка, отечественной культуры любят цитировать, то обратное движение, поэтизация сказанного предполагает некоторое усилие по поиску соответствий. Однако и высокая мысль нуждается в заземлении, демонстрации того, как прекрасно она работает в профанном пространстве «здесь и сейчас».

Вектор поэтизации:

Разг.: [Женщина лет 75 незнакомой о дороговизне на рынке:] Я как глянула – БО... (Боже!) Женщина, милая, какие опыты над нами делают! Аж мурашки по коже! Рыба была 108, стала 130, сыр «Король Артур» был 280, теперь 330! (18.11.2013). Худ.: В ценники жестокосердных витрин / шурились слепо, считая копейки (А. Климов-Южин). Разг.: [Женщина лет 40, реализатор, с иронией:] Надик! Давно снега не было! (та чистит у модуля) Когда это кончится? Как уже надоело! (24.03.2013). Худ.: Он убедительно пророчит мне страну, / Где я наследую несрочную весну... (Е. Баратынский); Разг.: [Профессор 64 г.:] Какая красивая! – [Доцент 63 г. весело:] Да, решила теплее одеться. – Да, уже похолодало. – Но красивой надо быть! (18.11.2013). Худ.: Для самого себя будь сном / О красных колосьях и дыме / <...> / И ты никогда не состаришься (Jean Rousselot).

Истоки книжной культуры в многочисленных её проявлениях (философская, научная, научно-популярная, художественная, публицистическая) таятся в живой разговорной речи, это её материнское лоно, и метод семантической ротации восстанавливает «историческую справедливость», демонстрируя культуротворческий, информационно-аналитический, этико-эстетический потенциал разговорного дискурса. Анализируя «загадочное удовольствие говорить», в процессе даже кратковременного общения говорящий стремится скорректировать картину мира в чужом сознании, то есть построить мировоззрение Другого по образу и подобию своего мировоззрения, – пишет К. Г. Фрумкин [12 : 143]. Метод семантической ротации, наращивания смысла, можно назвать и методом функционального расширения высказываний разговорного дискурса, и методом полидискурсивного взаимодействия смыслов. Подбирая примеры-аналоги, мы не стремились прибегать к «голым», тем более назидательным афоризмам. Параллели и должны быть параллелями, но не способами заочной расправы с авторами реплик, с плодами, наработками, оформленными страданиями чужой мысли и души.

Разумеется, особый интерес представляют предложения, прозвучавшие в разговорной речи, которым мы (пока ещё!) не нашли аналога в книжной культуре. Не исключено, что рано или поздно такие аналоги обнаружатся, однако их «затаённость», кажущееся отсутствие как раз и делает весьма эвристическим высказывание-сентенцию в режиме «обычной» болтовни, «обычного» разговора. Более того, незатейливое, непринуждённое окружение парадоксально высвечивает точность и глубину высказанного наблюдения, сомнения, обобщения.

[Молодой человек лет 28 матери по дороге на речку:] *Сказали, что я держался за каждое слово <...> Счастливого человека трудно оскорбить, счастливого человека только можно расшевелить* (16.08.2013); [Доцент о подготовке песни на юбилей факультета:] *«Да не ходи на сцену!» Я думаю, что ж меня так зомбируют? И сейчас так же. Они говорят: да что вы, Оксан! Что мы, клоуны, что ли? Да мы, преподаватели, и должны быть клоуны! Ведь шутит над собой только тот, кто уверен в себе!* (29.10.2013); [Мужчина лет 80 двум женщинам-ровесницам, гуляя по парку, спокойно подытоживает:] *Я думаю, всё в порядке! Кто в электронике в этой побыл – значит человека нет уже!* (06.11.2013); [Доцент лет 54 перед чтением своих стихов:] *Я расскажу о своих несоответствиях. Потому что жизнь – это несоот-*

ветствия. Когда всё симметрично, жизни нет (19.11.2013).

Не менее интересно отслеживать, как в её современном варианте акустическая культура взаимодействует с фольклорной акустикой, например с пословицами.

На ловца и зверь бежит. [Психолог 64 л. отвечает знакомой:] *А как Вы находите такие шляпки? – Если вы ищете вещь, она к вам придёт! Я сказала: я пересплю с этой мыслью! Так я не просто переспала – я достала всё своё хламьё!* (19.11.2013). *Повторение – мать учения.* [Библиограф, женщина лет 28, коллеге о работе с базами данных e-library:] *Это не сложно? – Как всегда! Если работать часто, то несложно!* (01.10.2013).

Об актуальности пишут обычно в начале публикаций, но мы отступим от этого правила и как раз акцентом на актуальности завершим изложение заявленной проблематики. Данное направление исследований актуально потому, что позволяет реально исследовать подчас скрытое от его носителей богатство русского языка через применение методики наложения дискурсов. И предложения разговорного характера могут стать весьма выразительным материалом выявления, закрепления, в том числе и лексикографического, и более широкого использования ускользающего богатства некоторых реплик обычного разговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесов В. В. Философия русского слова СПб. : ЮНА, 2002. 448 с.
2. Кротков Е. А. О рассуждении как методе познания // Вопросы философии. М. : Наука, 2013. № 6. С. 170–180.
3. Сошников А. О. Специфика структурно-семантической организации спонтанных текстов повествования и рассуждения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2013. 22 с.
4. Дементьев В. В. Основы теории непрямої коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2001. 42 с.
5. Седов К. Ф. Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. 320 с.
6. Лемяскина Н. А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. 330 с.
7. Толмачёва С. Ю. Речевые жанры младшего школьника : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 200 с.
8. Касавин И. Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 46–57.

9. Мамардашвили М. К. *Формы и содержание мышления* (К критике гегелевского учения о формах познания). М. : Высшая школа, 1968. 191 с.

10. Асланова О. А. Бисубстантивные предложения как средство выражения авторской характеристики типа персонажа в мемуарном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 25 с.

11. Харченко В. К. *Мозаика разговорной речи: новые аспекты исследования, электронная база высказываний*. М. : Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2013. 192 с.

12. Фрумкин К. Г. *О загадочном удовольствии говорить* // Нева, СПб, 2010, № 12. С. 139–146.

REFERENCES

1. Kolesov V. V. *Filosofija ruskogo slova* [Philosophy of Russian word]. St.-Petersburg, 2002. 448 p.

2. Krotkov E. A. *O rassuzhdenii kak metode poznaniya* [On Reasoning as a Cognitive method]. *Voprosy filosofii* [The Questions of Philosophy], no 6. Moscow, 2013, pp.170–180.

3. Soshnikov A. O. *Specifika strukturno-semantickej organizacii spontannyh tekstov povestvovaniya i rassuzhdeniya* [Peculiarities of structural-semantic organization of spontaneous texts of narration and reasoning. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Tver, 2013, 22 p.

4. Demytyev V. V. *Osnovy teorii nepryamoj kommunikatsii* [Fundamentals of the theory of indirect communication. Doct. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2001, 42 p.

5. Sedov K. F. *Antologija rechevyh zhanrov: povsednevnaia kommunikacija* [Anthology of speech genres: everyday communication]. Moscow, 2007, 320 p.

6. Lemyaskina N. A. *Razvitie jazykovej lichnosti i*

kommunikativnogo soznaniya mladshego shkol'nika [Development of Language personality and Communicative mind of primary school pupils]. Voronezh, 2004, 330 p.

7. Tolmacheva S. U. *Rechevye zhanry mladshego shkol'nika* [Speech genres of primary school pupils. Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2009, 200 p.

8. Kasavin I. T. *Znanie i kommunikacija: k sovremennym diskussijam v analiticheskoj filosofii* [Knowledge and Communication: Modern discussions in Analytic Philosophy]. *Voprosy filosofii* [The Questions of Philosophy]. 2013, no. 6, pp.170–180.

9. Mamardashvili M. K. *Formy i sodержanie myshleniya* (K kritike gegelevskogo ucheniya o formah poznaniya) [Forms and Content of Thinking. To the Critique of Hegel's doctrine of the forms of knowledge]. Moscow, 1968. 191 p.

10. Aslanova O. A. *Bisubstantivnye predlozheniya kak sredstvo vyrazheniya avtorskoj harakteristiki tipa personazha v memuarom tekste* [Bisubstantial sentences as a means of Author characteristics sort of a character in Memoirs. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2013, 25 p.

11. Kharchenko V. K. *Mozaika razgovornoj rechi: novye aspekty issledovaniya, jelektronnaja baza vyskazyvanij* [Mosaic of Colloquial Speech: new aspects of research, electronic database of utterances.]. Moscow, 2013, 192p.

12. Frumkin K. G. *O zagadochnom udovol'stvii gororit'* [On Mysterious Pleasure of Talking]. Neva, 2010, no. 12, pp. 139–146.

**Статья получила положительные анонимные рецензии
от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике**